

из Сапара мог бы выйти хороший курбаши,
лезло иногда из него что-то басмаческое.

Они пересекались ежедневно,
Сапар жил в общежитии, имел большой успех
у многочисленного женского населения,
нередко посещал ресторан «Северный»,
и один раз его попросили подменить там вышибалу —
знаменитого Вадика-Карлссона,
человека с внешностью Кинг Конга,
прозванного Карлссоном за потрясающее сходство
с популярным тогда шведским хоккеистом —
даже зубы у них были выбиты одинаково.
В этот вечер Сапарчик стал легендой,
на глазах Степанова он разогнал в одиночку
дюжину обнаглевших пьяных офицеров.

Никогда тот не видел ничего подобного —
Сапарчик подсел за офицерский стол,
невозмутимо взял в руки столовые ножи
и устроил ими такие чудеса вращения,
что мороз побежал по коже от одного вида
этой безжалостной холодной круговерти.
Глаза Сапара стали бесмысленно жестокими,
опешившие офицеры трезвели прямо на глазах,
а когда Сапарчик гортанно запел в тишине

нечеловеческим, безумным и тонким голосом:
– Рээээзать будиим, всееех рээээзать будиим!
посетители ресторана сыпанули кто куда...

Она стала в детстве узницей концлагерей,
сидела то ли в Заксенхаузене, то ли в Бухенвальде,
в восемьдесят третьем году читала лекции,
будучи доцентом кафедры высшей математики,
а звали её Мэри Яковлевна Заглядина.

Очки, одна и та же неопределённого цвета кофта,
одна и та же мятая юбка, ехидно поджатые губы...
Кровавая Мэри – так прозвали её студенты,
которых она пачками валила на экзаменах —
была суровой и беспощадной женщиной,
пока не встретила на своём пути Сапарджона.

Чёрт дёрнул её позвать Сапара в то утро к доске!
Наверное, она хотела постебаться над ним,
слегка унижить маленького смуглого недотёпу,
поставить на место улыбчивого нахального болтуна.
– Чарыев, к доске! Пишите. Икс в квадрате... —
аудитория зашушукалась, начались смешки,
за её спиной студент сосредоточенно скрипел мелом,
но гул становился всё громче, всё сильнее,
Кровавая Мэри обернулась и обомлела —
старательно обведя икс квадратом,

Сапарчик гордо приосанился у доски
и ждал теперь от преподавателя новых вводных.

Аудитория в голос захохотала,
и тут случилось непонятное и страшное —
Мэри Яковлевна Заглядина тихо завывала,
как-то неловко упала на распухшие колени —
после фашистских лагерей у неё болели ноги —
и на глазах оторопевших студентов
поползла прятаться под стол.

Сапар и в самом деле ничего не знал про то,
как в математике возводят числа в степень,
но его наивное поведение стало триггером,
что-то щёлкнуло в мозгу Кровавой Мэри,
врачи назвали произошедшее нервным срывом,
ей пришлось долго где-то лечиться,
вернулась она другой – тихой, пугливой,
тем не менее начала носить что-то разнообразное,
перестала валить студентов на экзаменах,
её зловещее прозвище потеряло всякий смысл,
было очень жаль её, пережившую то,
о чём всем оставалось только догадываться.

Дикий сын туркменских степей Сапар Чарыев
как-то на Восьмое марта приволок Мэри Яковлевне

огромный букет кроваво-красных роз,
она очень растерялась и даже заплакала,
Сапарчик оказался истинным джентльменом —
недаром проживает теперь в Лондоне,
судя по его страничке в Одноклассниках.
Степанов вспомнил о том, как однажды в стройотряде
Сапар на его глазах зарезал и освежевал
доверчивого деревенского кобелька —
голод не тётка, пёсика они тогда дружно скушали —
так что за жизнь обитателей туманного Альбиона
было как-то немного теперь страшновато...

Пасхальное дежурство

В 1984 году в СССР насчитывалось 282 тысячи добровольных народных дружин (в составе которых действовали 40 тыс. оперативных комсомольских отрядов), 50 тыс. пунктов охраны общественного порядка и 13 млн дружинников, ежедневно на дежурство выходили до 400 тыс. человек.

В восемьдесят пятом году двадцатого века
День космонавтики совпал с пасхой,
что почему-то всех невероятно обрадовало.
То ли Гагарин воспринимался как мессия,
то ли объединял их с Иисусом Христом тот факт,
что оба вознеслись на небеса —
оставалось только гадать.

Степанов столь сложными размышлениями
в ту далёкую пору как-то совсем не заморачивался,
жил спокойно, учился, и даже представить себе не мог,
что появившийся в марте говорливый генсек
вскорости устроит в стране такой кордебалет,
что слабо никому не покажется.

Пока же всех вокруг радовало только одно —
закончилось наконец-то время сплошных похорон.

Перед самым праздником Степанова сотоварищи вызвали в деканат, где предупредили о том, что студенческому оперотряду института выпала высокая честь отдежурить в церкви в момент празднования верующими Пасхи. Прошла суббота, к вечеру солнце скатилось в Китай, дунул свежий холодный ветерок с Амура. Закупив в магазине на вечер побольше вина, они завалились всей гурьбой в райком комсомола получать последний инструктаж.

– Вам, студенческому оперативному отряду, поручено сегодня до утра охранять верующих, чтобы все эти пережитки прошлого, одурманенные религиозной демагогией, смогли спокойно отпраздновать в своей церкви Пасху. Задача проста – надо будет встать цепью в периметре, пресекая правонарушения неосознательных граждан, и в таком режиме вам предстоит продержаться любой ценой до утра. Ну, примерно так же, как в картине «Вий» известный киноактёр Леонид Куравлёв, ха-ха...

Степанов с друзьями оценили юмор, весело поржали, потом не спеша выдвинулись к деревянной церкви, стоявшей посреди заросшего кустами

так называемого «частного сектора», открыли ворота и шумно завалились в притвор. Навстречу им вышел батюшка, отец Владимир, высокий, строгий, совсем не старый ещё мужчина, приходивший иногда поиграть в мини-футбол на известную всем площадку за политехом. – Сколько будет вас, ребятки? – спросил батюшка. Услышав в ответ «тринадцать», он слегка побледнел, потом мелко перекрестился и молча ушёл в храм.

Оперотрядовцы, немного осмелев, накатили вина, сходили посмотреть, как красиво горят свечи. Стемнело, начал потихоньку накрапывать дождик, в периметр повалил народ, все трезвые, разодетые. Степанов зашёл в бревенчатый молитвенный дом, подивился тому, как внутри уютно и тепло. Благообразный старичок вёл мирный диспут с однокурсниками Степанова – охмурял, конечно, но юных атеистов, которых в тепле слегка развезло, было, как говорится, хрен возьмёшь за полтинник. Они горячились, цитировали Маркса и Ленина, народ вокруг добродушно посмеивался — все тут были словно ударены пыльным мешком, странноватые люди, не от мира сего, слишком добрые, совсем не похожие на обычных горожан.

Навестив припрятанный за храмом заветный рюкзак,
Степанов принял свою дозу пахучей «Чашмы»,
посмеялся тому, как борец Магомед топчется,
сторая от любопытства, у дверей храма,
боясь гнева Бога – то ли своего, то ли православного.
Наконец наступила полночь, ударили в колокола,
пьяненькие оперотрядовцы разбрелись по местам,
Начался крестный ход, вынесли образа,
вышел народ, пряча свечи от ветра в ладонях.
На священнике засияла огнём золотая риза,
вырос и окреп хор голосов, люди нестройно запели,
крестный ход начал неспешный размеренный шаг,
мимо студентов, превратившихся в немые столбы.

Лишь только процессия завернула за угол,
послышался страшный раскат грома,
ветер сыпанул песком и пылью в глаза,
небо словно ощерило злобную пасть —
оперотрядовцы вмиг протрезвели,
волосы у Степанова встали на голове дыбом,
он почувствовал неприятную дрожь в ногах,
адский холод внутри и мороз по спине.
Казалось, всё, аут, финита ля комедия —
люди пропали в неведомой мгле,
время остановилось, стрелки часов замерли,
тьма вокруг наполнена диким ужасным гневом,

чудилось, будто Китеж встаёт из озёрных глубин,
мертвецы выходят из могил, завывая...

Но свет, слабый, неровный, вдруг появился из-за угла,
человеческое пение достигло слуха Степанова,
и он обрадовался было возрождению мира,
но увы – всё это случилось совсем ненадолго,
после второго исчезновения крестного хода за храмом
ветер ударил им в лица с новой яростной силой,
с неба полетели редкие крупные капли дождя.
В третий раз они слышали грозное пение,
потом ударила белая молния, загредел гром,
стоять в оцеплении не было больше сил,
вина в рюкзаке уже не осталось,
Степанов устал и промок, он шатался,
странная судорога сводила его пальцы в щепоть,
ему стало страшно, он взглянул на соседа —
битломан и эстет Коленька пал на колени,
крестясь так, будто за ним гонится чёрт.

На заднем дворе мелькали какие-то странные тени,
кто-то лез снаружи через высокий чёрный забор,
в студентов полетели камни, пустые бутылки.
Степанов помнил драку, милицию, ливень стеной...
Потом было долгожданное сизое утро,
их довезли в «бобиках» прямо к общежитию,

где все они попадали спать, где и как попало.

... Через месяц генсек объявил в стране Перестройку, начались всевозможные «ускорения», приняли указ о запрете торговли алкоголем, летом Степанов слетал на практику в Петропавловск, потом прошёл военные сборы и стал лейтенантом, отбарабанил четыре зимних месяца на преддипломной практике в Перми, через год получил заветный синий диплом, значок в виде ромбика, который тут же потерял, а его знакомых легко раскидала по стране судьба.

Но тогда Степанову было совсем не до учёбы, в начале мая он неделю провалялся в больнице, после драки в церкви из почки вышел камень, застрявший в мочеточнике на долгих шесть лет, Степанов ездил с этим неудобством по стране, то и дело тут и там его настигали почечные колики, от которых не хотелось больше жить, но потом наступало утро, боль уходила, а юный дурак Степанов снова летел куда-нибудь «за туманом и за запахом тайги»...

А может быть, вся эта история с камнем случилась именно потому,

что в ту страшную пасхальную ночь
он — единственный из всех —
так и не склонил головы перед Богом?..

Туфта

История эта случилась со Степановым
зимой восемьдесят шестого
в заваленной снегом по самые окна Перми,
во время преддипломной практики,
которую проходил он в «Запууралглавнабе»,
учреждении, чьё грозное загадочное название
напоминало имена древних персидских царей,
а на самом деле расшифровывалось как
«Западно-Уральское Главное территориальное
Управление Государственного комитета СССР
по материально-техническому снабжению».

Управление располагалось на Орджоникидзе, 15.
Особняк в стиле сталинского ампира
со львами у парадного входа,
построенный пленными немцами,
стоял почти на самом берегу Камы.
Многоярусные люстры, паркет,
огромные лестницы с массивными перилами —
всё это великолепие ошарашивало,
опьяняло почище бутылки шампанского,
выпитой махом на голодный желудок.

Пермь, бывшая Орджоникидзе, 15. Фото из архива автора

Но протекала в этом заведении самая обычная канцелярская жизнь, которой жил ещё знаменитый «Геркулес», дотошно описанный Ильфом и Петровым в знаменитом романе про Остапа Бендера. Всю зиму в «Запууралглавснабе» принимали заявки на будущий год, сводили их и отсылали в Москву, осенью получали из Госснаба «фонды» и распределяли их по заявителям. Соотношение запросов и ответов было стабильным – десять к одному. Заявки всегда завышались,

а разнарядки беспощадно урезались.
Всё распределялось только сверху,
закупка на стороне возбранялась,
езде царил тотальный дефицит,
столы были завалены прошениями,
пороги оббиты просителями,
но вытрясти всё необходимое из Госснаба
было таким же безуспешным делом,
как раскачивать огромную яблоню
для падения недозрелых яблок...

Описывать страну, которой больше нет,
дело чертовски неблагодарное.
Неизбежно приходится то удлинять строки,
то давать пояснения сухим канцелярским языком,
и вообще чувствовать себя чем-то обязанным...
Прости меня, мой читатель,
но я собираюсь рассказать
всего лишь о небольшом эпизоде жизни своего героя
и опущу многие детали тогдашней жизни, норм?
Вот и ладненько.

Куратор практики, партиарх лет восьмидесяти,
лично знакомый с самим Брежневым,
доживавший век в должности начальника отдела
по внедрению новых форм снабжения,

щедро поделился со студентами воспоминаниями, милые дамы-сотрудницы незамедлительно снабдили Степанова и его напарника Лёшку «дубовиком», то есть черновиком диплома, любезно оставленным для потомков предыдущими практикантами, оставалось переписать и вставить свежие цитаты из материалов последних пленумов ЦК КПСС — словом, преддипломная практика обещала стать для Степанова с Лёшкой прекрасным и удивительным временем.

Вдобавок им сразу же предложили все четыре месяца преддипломной практики поработать на полставки инженерами в местном «Запуралкомплектоборудовании». Вот ведь какие были названия тогда, они всё говорили читающему их, не то что нынешние «Эльдорадо» или, прости Господи, какой-нибудь ООО «Тритон». Хлебом торговали в «Хлебе», тканями — не поверите! — в «Тканях», а часами — сами понимаете где.

В ту зиму Пермь завалило снегом так, что транспорт по утрам еле ходил,

на работу приходилось добираться пешком.
Они жили далековато от управления,
под окнами общежития был огромный овраг,
за оврагом – знаменитая Мотовилиха,
а над оврагом возвышался лыжный трамплин,
где по выходным шли тренировки,
за которыми практиканты наблюдали из окна,
шумно прихлёбывая по утрам жиденький чаёк
под шлягер сезона – песню Малежика
про леденцового лилипутика,
имевшего склонность лизать лиловый леденец.

Шестьдесят рублей в месяц во все времена
были для студента деньгами немалыми
и на дороге совсем не валялись,
опять же Степанов рассчитывал
получить навык реальной работы
по своей грядущей специальности,
а потому они с Лёшкой сразу же помчались
устраиваться на новую работу.
И откуда было знать тогда Степанову,
что именно там, в пыльной комнатке
«Запуралкомплектооборудования»,
буквально через пару месяцев
окончательно рухнет его искренняя святая вера
в светлое будущее человечества.

Юношей немедленно усадили за столы,
дабы срочно свести воедино данные
только что закончившейся на Урале
переписи неустановленного оборудования.
О компьютерах тогда и не слыхивали,
в ходу кое-где внедрялись ЭВМ —
электронно-вычислительные машины
с таинственными дырчатыми перфокартами,
но эти машины были огромных размеров,
калькуляторы считались фантастикой,
вся страна щёлкала костяшками на счётах.
Руководил процессом старший инженер,
благостный белобрысый мужичок,
удмурт по национальности,
носивший весёлую фамилию Ананьин,
которую сам он писал через «А»,
произнося почему-то через «О».
С виду дядька мирный и добродушный,
он впился в студентов как клещ,
заставляя пересчитывать вручную по много раз
данные огромных «портянок» -ведомостей,
присланных со всех заводов истроек.

Шли дни, пробежал месяц,
не за горами была коллегия «Запууралглавнаба»,

наконец-то родилась искомая конечная сумма.
Ананьин лично напечатал справку,
зачем-то подул на неё, перекрестил,
торжественно улыбнулся и воспарил к руководству,
откуда примчался менее, чем через полчаса
с таким видом, словно за ним гнался сам чёрт.
– Пересчитывайте! Срочно! —
выпучив мутные от ужаса глаза,
с ходу заорал он на практикантов,
и они снова начали ворочать
огромные альбомы с подшитыми отчётами.
Новая цифра получилась гораздо больше первой —
явно кто-то из нас немного ошибся.
Ананьин перепроверил её,
обхватил голову руками
и чуть было не заплакал.

Практиканты ничего не понимали.
и это злило их больше всего.
Лёшка, тренировавшийся как бегун-спринтер,
имел соответствующий виду спорта
нервный характер,
его психика не выдержала,
он пригрозил Ананьину кулачной расправой,
тот испугался, запаниковал,
организовал из сейфа бутылку водки,

напился с пары рюмок в хлам
и выдал студентам страшную тайну:
новые данные их подсчётов
ещё больше не вписывались
в заказанную свыше тенденцию!
Если в позапрошлом году
на складах пылилось оборудования
на два с половиной миллиона,
а в прошлом – уже на три,
то сегодняшняя цифра в семь миллионов
уже криком кричала о том,
что на Западном Урале царит бардак,
о том, что мёртвым грузом оседают там
громадные государственные деньги.

На следующее утро Ананьин,
похмельный, злой и взъерошенный,
принял наконец трудное решение.
Он отпечатал новую справку,
в которой вместо семи миллионов
стояли всего-навсего три с половиной,
и вернулся через пять минут
с радостной вестью о том,
что великая задача выполнена.
Степанов посмотрел-посмотрел на то,
как ликуют Лёшка с Ананьиным,

как накрывают стол с закусками,
потом нашёл предлог смыться,
долго в смятении ходил вдоль берега Камы,
где ноги сами занесли его в зоопарк.

Зимний зоопарк в любом городе —
всегда зрелище несколько странное,
и пермский исключением не был —
спал на снегу грязный старый верблюд,
ворчал из угла недовольный медведь,
бегали туда-сюда молчаливые волки.

Комната студенческой общаги. 1985 г. Фото из архива автора

В душе Степанова было пусто.
Нет, не противно, не пакостно,
а именно пусто, холодно и темно.
Ему было глубоко наплевать
на все эти кунштюки с цифрами,
поскольку не первый год жил он
в Стране Великой Туфты,
повидал многое и был уверен,
что всё это бл*дство навсегда,
потому что мир таков, каков есть,
и другой наша страна никогда не будет,
коммунизма из-за всеобщего вранья
нам точно никогда не видать,
и ничего в этом порядке вещей
уже вряд ли можно будет изменить.
Господи, как же он был прав —
но как же сильно он тогда ошибался...

Закавыка была вот ещё в чём.
Преподаватели учебных заведений,
по большинству люди прогрессивные,
тайно пропитывали желающих учиться
некоторой толикой свободомыслия,

давали читать студентам перепечатки
статей западных экономистов,
организовывали на семинарах дискуссии.
Руководителем практики у Степанова
был заведующий кафедрой снабжения,
невероятно толковый дядька,
он предлагал Степанову аспирантуру,
умело разжигал в нём интерес к науке.

Поэтому туфта, конечно, была для Степанова
серьёзным ударом ниже ватерлинии —
оказывалось, что расчётные данные
лучших учёных-экономистов страны
основывались чёрт знает на чём,
на всеобщем и полном очковтирательстве,
на выдумках ананьиных иже с ними,
а на самом деле поезд давно был в огне,
и тогда, в 86-м, на берегу Камы
Степанов впервые явственно услышал
гибельный скрежет шпангоутов
слепо летящего на рифы
корабля великой империи.

Предстоявшее распределение
радости никакой ему не доставляло,
хотя мест было в избытке,

на заводах, в управлениях, на базах
требовалась молодая кровушка,
но он пребывал в полном раздрае —
Степанову предлагали аспирантуру,
обещали офицерскую карьеру, должность начфина,
но всё это было не то, не его...

Он уже собирался было уйти из зоопарка,
но хитрый пьяненький сторож
вдруг предложил ему посмотреть обезьян —
на зиму их запирали в тёплом бараке,
посреди которого был выгорожен проход.
«Не пожалеете!» — шептал сторож так,
словно речь шла о чём-то запретном,
тайном, невиданном и сладострастном,
и Степанов послушно вошёл в тамбур.

Боже ты мой, какая жуткая вонь
ударила ему с ходу в нос,
какие крики оглушили его!
Макаки метались, словно бешеные,
они орали, разевая огромные рты,
в их крике было нечто такое,
от чего Степанову стало не по себе.
Орангутан, горилла и кто-то чёрный,
неподвижно сидевший во тени,

смотрели на него с дикой ненавистью,
и что уж им такого привиделось в нём —
Степанов даже представить себе не мог.
Он прошёл через обезьянник к выходу,
дёрнул дверь, думая, что выходит на воздух —
но нет, там оказалось ещё одно помещение
с проходом, отгороженным сетками,
тёмное, но чистое и прохладное,
однако эти чистота и прохлада
показались ему какими-то странными,
живыми, но явно нечелове...

– Аааа!!! – заорал он не своим голосом,
когда в десяти сантиметрах от него
ударилась о стекло голова крупной змеи,
разевавшей свою ядовитую пасть.
Так вот почему неистовствовали обезьяны —
это был виварий, где держали змей,
которых макаки люто ненавидят,
рептилий было тут так удивительно много,
что хотелось бежать отсюда со всех ног.
Как ошпаренный, выскочил Степанов
из вивария наружу, и проказник-сторож
издали весело помахал ему рукой:
«Понравилось? Ещё приходите!»
«Нафиг-нафиг!» – дрожа, пробормотал

несговорчивыми губами Степанов, и был таков.

Через месяц ему предложили место
в Главном управлении, в доме со львами,
что по тем невесёлым временам
было просто немыслимой удачей,
но Степанов отказался, отчётливо понимая,
что «крапивное семя» непременно
либо сожрёт его, либо отравит,
испугался, что станет вскоре таким же,
как угодливый и ласковый Ананьин,
и он сопьётся от ненависти к себе,
от необходимости врать и пресмыкаться,
поэтому распределился в почтовый ящик,
на патронный завод,
строившийся тогда посреди тайги,
выбрал себе суматошную стезю
рядового снабженца,
грузил-возил свои баллоны, бочки и ящики,
летал и колесил по всей стране.

Спринтер Лёшка, тот, наоборот,
с радостью согласился остаться,
и хотя в Главное управление
его так и не позвали – не проявил себя,
то вернулся он после защиты диплома

в ставшее родным «Запуралкомплекттооборудование»
подсидживать своего начальника Ананьина,
отработал там за столом все эти годы,
и если бы не «Одноклассники»,
они б со Степановым никогда и не нашлись.
Говорил, что всё у него хорошо.

А вот обезьянок было почему-то до сих пор жалко.

Валенки

Унылый пейзаж дальневосточных болот
быстро приедается искущённому взору —
чёрные выгоревшие мари, рыжие сопочки,
низкорослые чахлые деревца,
тусклые свинцовые пятна мелких озёр —
Степанов с детства привык к этому,
малая родина не баловала красотами,
весной багульник, летом саранки,
осенью наводнения и нерест кеты —
вот вам и все радости местной жизни.
Получив наконец-то желанный диплом,
он устроился по направлению на завод,
штамповавший оружейные патроны.

Ему невероятно повезло, должностей не было,
его взяли инженером в отдел снабжения
взамен ушедшей в декрет женщины,
Степанов занимался спецодеждой, спецобувью,
хозяйственными товарами, тканями и войлоком,
даже типографскими заказами на бланки,
ему подчинялась заведующая складом,
хитрющая мадам по имени Евдокия Степановна,
откровенно презиравшая нового инженера,

но в глаза лебезившая —

о ней шла слава наипервейшей «росомахи» завода,
которую она, собственно, чем-то и напоминала.

Что Степанов ни привозил, его ждала нехватка,
ни одна его поездка за товаром на базу
ещё ни разу не увенчалась успехом,
каждое утро Евдокия Степановна со скорбным лицом
сообщала незадачливому снабженцу,
что кистей-филёнок не хватает,
а вот флейцы, те совсем пропали.

Степанов был в отчаянии – потери росли,
списывать их на цех он ещё не научился,
без хороших знакомств такое не делалось,
коллеги наблюдали за ним с лёгким злорадством,
неискренне вздыхая и посмеиваясь за спиной.

Степанов понимал, что дело тут нечисто,
он сам пересчитывал товар на базе,
сам грузил его в машину и сам выгружал —
что-то здесь явно было не так, но что?

Тогда он был ещё наивен и верил людям, а зря...

Плохо было ещё то, что обо всех его недостатках
немедленно информировали начальника отдела,
который Степанова почему-то сразу невзлюбил —
когда тот устраивался на работу,

начальник был в командировке,
и назначение страшно задело его самолюбие.
То ли начальник хотел устроить кого-то своего,
то ли почувствовал в Степанове некую угрозу,
сказать точно было весьма трудно —
худощавый лысый человек по фамилии Лимберг
был непредсказуем, неконкретен и лжив,
за что на заводе его особо не жаловали.

Пока оборонное предприятие строилось,
в его кадровой политике царил бардак,
но выпуск нормальной товарной продукции
потребовал адекватного обеспечения сырьём,
а Лимберг и Евдокия Степановна
появились здесь ещё в те времена,
когда всё заводоуправление умещалось
в маленькой панельной двухэтажке,
саму стройку комплектовали отдельно,
потребности управления были минимальными —
бочка краски, баллон кислорода, пара уголков.
Постепенно случайные люди оказывались лишними,
их должности упразднялись или перерастали хозяев.
Те уходили – со скандалами, с криками,
плодя интриги и устраивая саботаж.
Лимберга ненавидели уже только за то,
что вместо честного труда в поте лица

начальник Степанова ловчил, врал и отговаривался.

Степанов трясся в кабине ЗИЛ-130,
направляясь в Комсомольск-на-Амуре,
странный город, построенный в тридцатых годах
на берегу Амура отчаянными комсомольцами
в преддверии скорой войны с Японией —
там, на ближней окраине его,
в промзоне рядом со знаменитой Амурсталью
располагалась большая оптовая база,
на которой Степанов получал свои заказы.
Он вздохнул, потрогал большой пакет —
дамы с базы попросили его привезти
из тепличного совхоза огурцов и помидоров,
нужные отношения постепенно налаживались.

Трасса Амурск-Комсомольск-на-Амуре. Фото из архива

Его уже ждали, женщины обрадовались,
начальница поманила его в сторону и шепнула:
– Они пришли! Выписывай скорей!
Кто, кого – Степанов не раздумывал, дают-бери,
через десять минут он уже спешил к базе,
счастливый донельзя – ему выписали валенки,
которые он долго клянчил, целых двадцать пар,
на улице резко похолодало и навалило снега,
у Степанова лежала на столе пачка заявок,
заводу требовалось пар триста, не меньше,
вопрос был на контроле у директора —
оказывается, вокруг царил тотальный дефицит,
Степанов на своей шкуре узнал теперь,
что это такое – в институте таким вещам не учили.

– Грузи осторожнее! – скомандовала кладовщица.
Степанов опешил – начальница за каким-то хреном
выписала ему какие-то бракованные унитазы
непонятной системы, с краниками в странных местах,
он бережно перетаскал все десять обрешёток,
выставил их поближе к кабине, чтоб не прыгали.
Водила примерял валенки, напевая от удовольствия,
он был тот ещё жук, с вороватыми глазёнками,
Степанов кое-как отобрал у него полученное,
ЗИЛ взревел – они успевали вернуться засветло.

По дороге он проклинал себя за уступчивость, вот ведь дурак, взял какую-то ломаную сантехнику, кому она сто лет нужна, такая некомплектная, Евдокия Степановна непременно откажется принять... Потом успокоил себя – зато выпросит ещё валенок.

Всё довели нормально, а наутро грянул скандал — все добытые валенки, не дожидаясь выписки, забрал со склада бывший замдиректора Ройба, разжалованный за большие грехи в начальники цеха, Лимберг подписал ему – они были старыми друзьями, Евдокия Степановна, конечно, валенки выдала, Степанов был в шоке, коллеги хихикали — он чувствовал себя использованным презервативом, решил устроить начальнику истерику, но быстро скис и решил махнуть рукой, что поделаешь – судьба, кто он таков, простой инженеришка, жизнь бекова – все имеют его, а ему некого... «Опять искать валенки...» – закручинился Степанов.

– Где они? – страшным голосом заревел на него с порога маленький человек в дублёнке, седой, с чеканным лицом, ростом почти лилипут, из-за плеча которого испуганно выглядывал Лимберг. Степанов подскочил, вытянулся – он догадался,

что это не кто иной, как директор завода Авдеев:

– Так уже всё забрали...

– Кто забрал?! Когда? Кто посмел? Кто отдал?

Степанов ткнул пальцем в ненавистное лицо, Лимберг побелел, директор развернулся к нему:

– Опять Ройбе отдал? Ты снова за своё? Ну, хватит! Пиши заявление и завтра же уматывай с завода!

«Ни хрена себе! Вот тебе и валенки...» —

только успел подумать Степанов,

как директор завода снова обернулся к нему:

– Привёз? Молодец! Почему сразу не доложил?

Такие вещи надо сразу мне докладывать, понял?

Ворьё! Они всё тащат, сволочи! Как фамилия?

Степанов? Отца твоего знаю. Давно работаешь?

Степанов не успевал отвечать, запинаясь.

В коридоре царила паника — в кои-то веки

сам директор явился в отдел снабжения,

разносит в пух и прах разгильдяя Лимберга!

Улучив момент, Степанов спросил директора:

– А может, я ещё достану? Давайте, я съезжу!

Тот махнул перчаткой, отворачиваясь —

в дверях уже маячила Евдокия Степановна,

вытиравшая ладонью лоснившиеся жиром губы,

она что ни день жарила себе картошку на сале:

- Как же так, Евдокия? Не ожидал, не ожидал...
- Цело, цело всё, Иван Иннокентьевич, сейчас иду!
- Цело? Ну смотри, если врёшь! Ой, смотри!

Когда Степанов подошёл к складу,
двери того были широко раскрыты,
небольшая толпа в дублёнках переминалась там,
где он вчера выгрузил бракованную сантехнику,
начальство радостно хохотало и крикало,
поддавая ногами обрешётки с унитазами,
расталкивая народ, к нему подбежал директор:
– Ну, гер-рой! Ну, молодец! Два года ждали!..
А он р-р-раз, и привёз! Вот это парень...

Степанов догадался, что речь идёт не о валенках —
оказалось, вместе с ними он привёз на завод биде,
из-за этих сантехнических штук уже два года
не могли сдать в эксплуатацию главный корпус,
вернее, сдали, но обязались обеспечить в срок,
который давно истёк, Лимберг вечно что-то лепетал,
на базе разводили руками: «Москва не даёт!»
а Степанову, тому просто повезло, вот и всё...
Но начальство думало по-своему, иначе —
вскоре Степанов стал начальником бюро,
начал ходить вместо Лимберга на планёрки,
потом тот ушёл переводом на завод,

который собирались строить в городе Зея.

Новый начальник Степанова, пожилой дядька, научивший его житейской мудрости, воспитавший в нём руководителя, говорил так: «Не требуй крови, не спеши менять людей, делай себе команду из того, что досталось, воспитать коллектив, способный творить чудеса — в этом вызов, в этом твоя главная задача, парень!»

Кстати, именно он преподавал Степанову первый урок, и касался тот именно злополучных валенок.

В один прекрасный день новый начальник собрал все заявки от цехов завода на валенки, пригласил инженера по технике безопасности, и тот через неделю вынес ошеломляющий вердикт — валенки были положены только узкому кругу лиц, и вышло таковых – не поверите! – два десятка!

Вот, а некоторые ругают Советскую власть, которая была далеко не дура, между прочим, всех и каждого валенками не баловала...

С Евдокией Степановной всё оказалось просто. Степанов привозил товар поздно, оставлял до утра, вечером хитрая кладовщица возвращалась с зятем, открывала склад и брала себе всё, что вздумается —

просто из подлости – а утром возникала нехватка... Он поймал «росомаху» на горячем случайно — засиделся как-то на работе допоздна, вот и всё. Степанов не тронул её – дело своё она знала отменно.

Ну, само собой, кое-что притыкивали водители, через год Степанов заматерел, кое-чему научился, обмануть его стало теперь весьма трудно, дело порой доходило до драки, как-то раз разъярённый его неуступчивостью шофёр «забыл» Степанова в кузове и вёз таким макаром километров двадцать, не давая тому спуститься в кабину – а был январь, но обзлётный Степанов повидал в жизни и не такое. Ах, как горько этот шофёр сожалел о содеянном... Кстати, именно в его кабине красовалась надпись «Фонарные столбы никогда не нападают первыми», ставшая потом девизом Степанова на всю жизнь.

Добро должно быть с кулаками, безгрешных мало — когда дело касалось воровства, Степанов пускал в ход административный ресурс, превращая за пару месяцев жизнь человека в ад. Он практиковал системный подход, «жизнь по уставу», методичность и неуклонность его действий напоминали автомат по штамповке патронов —

Степанов не припоминал никого,
кто не сбежал бы с завода без оглядки,
попав под безжалостные челюсти
инструкций, распоряжений и приказов.

История про биде стала легендой, удручало одно —
какой-то идиот присочинил,
будто Степанов выменял их на валенки.

Кадмий как проклятие

1.

Случаются на свете странные вещи,
которые превращают жизнь в ад,
лишают вас спокойствия,
не дают спать по ночам,
становятся занозой в мозгу,
заставляя забывать обо всём,
день за днём изматывая разум.
Именно таким проклятием
на закате советских времён
стал для Степанова кадмий,
«редкий элемент с атомным номером 48,
мягкий ковкий металл серебристо-белого цвета».

Работал он тогда заводским снабженцем,
и начальство поставило ему задачу
достать этот растреклятый кадмий
во что бы то ни стало, любой ценой.
Сделать это официальным путём
на закате Госплана и Госснаба
уже никак не получалось,
поэтому, попросту говоря,

пришлось банально красть
на чужом заводе пластину кадмия
и прятать её в попутном контейнере.
Степанов, святое дело,
отрапортовал кому следует,
был обласкан и поощрён,
но... в поступившем контейнере кадмия не оказалось!
Это была дьявольщина.
Он обшарил каждый метр,
лично допросил всех и вся,
долго и грязно/цинично ругался,
тайком молил небо сжалиться —
нет, кадмий исчез, сгинул.
Этого не могло быть,
потому что просто быть не могло.

2.

Нет ничего на свете хуже,
чем в одночасье стать неудачником.
Ещё утром Степанов был везунчиком,
баловнем судьбы,
которого ласково журили на совещаниях,
этаким «анфан терриблем»,
которому прощалось всё —
но всё это происходило ровно до тех пор,

пока ему фартило.

Но удача изменила ему,
мало того, что чёртот кадмий
в одночасье рушил его реноме,
он без жалости ломал
его и без того невеликую карьеру,
или, говоря нынешним языком,
отрубал Степанову «социальный лифт».

На горизонте замаячил силуэт
ценного пушного полярного зверя
по имени «песец».

Уже примчались на чей-то стук
вездесущие «особисты»
с многозначительными физиономиями,
уже искало Степанова заводское радио,
требуя срочно явиться к директору,
тихо косились на него подчинённые
с постными похоронными рожами —
словом, по всему, оставалось ему,
как настоящему русскому офицеру,
только одно —
незамедлительным образом застрелиться.

— Остановись и подумай! —
постоянно шепчут нам небеса.

Но по молодости своей
Степанов небесам не внимал
и о подобных вещах не задумывался,
поэтому просто срывал горькую злость
на своё фатальное невезение,
разбивая крепкий кулак
о кирпичную складскую стену.
Вовсю накрапывал к обеду
бессмысленный осенний дождик,
когда вдруг подошёл к нему
старый добрый знакомый,
весёлый инспектор-пожарник Вася.
– Ищёшь чо ли чо-то, поди? Гля, покожу-то чо! —
с дивной вологодской хитрецей сказал он.

Слиток кадмия. Фото из архива автора

«Чо» оказалось подставкой,
пластиной серебристого цвета,
на которой в чугунной сковороде
дымилась жареная картошка.
Всё вышло просто —
при выгрузке дунул сильный ветер,
запаренные грузчики подпёрли
дверь контейнера первым,
что подвернулось им под руку,
а шедшая мимо уборщица тётя Валя
пристроила потом бесхозную вещицу
туда, куда надо.

Хорошо всегда то, что хорошо кончается.
Завод, конечно, отхохотал своё,
но отныне поселился в мозгу Степанова
неусыпный червь сомнения,
он поделился мыслями с руководством,
и мудрые инженеры тоже наконец-то задумались.
Почему именно кадмий?
В чём тут страшная тайна?
Изделие простое, в космос не летает,
в таких обычно все болты и гайки
банально цинкуют или хромируют...

3.

...Он встретил гостей, как родных.
Ветеран труда, много лет на пенсии —
а тут ребята с самого Дальнего Востока,
со всем почётом и уважением,
привезли даром икры и рыбы,
пьют, сколько им ни налей,
хоть до утра готовы слушать байки
бывшего ведущего конструктора
Симферопольского института,
вписавшего когда-то в проект
тот самый проклятый кадмий.

— Тогда на соседнем участке
хлопцы кадмирование делали.
Утащил я горсть болтов домой,
чтобы поддон «Запорожцу» прикрутить,
хорошие болты оказались,
не ржавели совсем,
днище сгнило уже давно,
а они всё как новые были!
Подумал я тогда,
что как хорошо было бы везде
поставить болты с кадмиевым покрытием,

им же вечно сносу не будет.

Потому и написал – «покрытие кадмием».

А так-то оно конечно, какой кадмий?

Обычный железный ящик.

Тут и хром сойдёт, и цинк...

4.

Степанов стоял у шаткого плетня

и никак не мог накуриться.

Горячий ветер Крыма

дружески шевелил волосы,

тёплый винный хмель расслаблял тело.

Внутри Степанова с грохотом

рушился айсберг по имени Кадмий,

и его серебристые ледяные глыбы

тонули в терпком фанагорийском вине...

Всё оказалось до обидного просто!

А всего-то требовалось —

изначально докопаться до сути.

И не было бы тогда

всех этих совещаний, истерик, поездок,

напрасных ожиданий,

нервов, надежды, мольбы и отчаяния...

Нужно было просто

остановиться и подумать.

Но разве тогда жизнь была бы такой интересной?

Закрыв глаза, Степанов подставил лицо южному солнцу, уходящему на закат.

Захмелевшая молодость обещала быть вечной.

Солома

В то летнее утро все участники ужасной драмы, которая произошла несколько позже, так или иначе пребывали в полном душевном раздразе. Их было шестеро – два водителя, две охранницы, начальник отдела Степанов и грузчик Ёлкин — все работники Энского патронного завода.

Вечно растрёпанного Ёлкина, старого заводского кадра, похожего на весёлого подвыпившего цыгана Будулая, работавшего раньше наладчиком в главном цехе, мучило фантастической мерзости похмелье, он наотрез отказывался ехать за "соломой" — так называли порох – на новые базисные склады, расположенные в двадцати километрах к югу, поскольку боялся, что на жаре долго не протянет.

Водитель Саня Крюков вечером слил весь бензин, рассчитывая заправить с утра полный бак, однако выяснилось, что бензина АИ-76 на заводском складе ГСМ «нет и неизвестно», скупердьяй-механик выделил Сане так мало горючего, что тот боялся заглохнуть посреди дороги и психовал.

Водитель Толя Пузин опять поругался со своей женой, снова на ровном месте и без видимых причин, потом полночи не мог заснуть, курил и в итоге пришёл на работу с больной головой, засел в кабине своего ЗИЛ-130 с кислым лицом, отпуская вслед охранницам злые и грязные шуточки.

Охранницы, известные как тётя Маша и тётя Галя, прожжённые вохровки с воронёными наганами, по извечной привычке визгливо собачились — они подозревали друг дружку в подковёрных интригах, а потому ехать в этакую даль да по такой жаре тоже категорически отказывались из принципа.

Степанов вернулся утром с ночной рыбалки, они то ставили сетку, то опять её снимали, ночью хлынул ливень, все промокли как черти, потом застряли посреди разлившегося ручья, долго выталкивали "жигулёнок" и проклинали всё — Степанов хотел закрыться в кабинете и поспать, но ехать за свежей партией «соломы» в то самое утро по разным причинам оказалось больше некому.

Сверху - порох патронный.
Внизу - порох артиллерийский.

«Солома» – порох разного вида. Фото из архива автора.

Вообще «соломой» порох прозвали заказчики из ГРАУ, хотя артиллерийский, тот больше напоминал макароны.

Наконец экспедиция кое-как добралась до места, погрузилась и двинулась обратно на завод.

Первым рулил Саня, вторым шёл Толик, на высохшей гравийной дороге клубилась пыль, на половине пути договорились поменяться —

по инструкции полагалось держать интервал,
но при этом всё же далеко не отставать.

Степанов разместился во второй машине у двери,
уступив командирское место полумёртвому Ёлкину,
дело было сделано, дорога – до боли знакома,
за спиной тряслись три тонны пороха в ящиках,
он пригрелся и сладко закемарил в духоте,
но вдруг проснулся – ощущение близкой беды,
предчувствие чего-то неладного прогнало сон.

Дорога спускалась в распадок, заросший кедрачом,
машины полетели вниз в густой завесе рыжей пыли,
в полном безветрии вдруг поднявшейся до небес,
теперь впереди абсолютно ничего не было видно,
но водители скорость пока не сбрасывали —
уж очень хотелось им побыстрее встать под выгрузку.

- Нач-чальник! – встревоженно заикнулся Толик.
- Чего, Анатолий? Может, сбавим немного?
- Надо бы этого... того... – проскрипела охранница.

Тогда-то и случилось непонятное и страшное.
Что-то знакомое мелькнуло там, среди пыли,
это был синий борт ЗИЛа, шедшего впереди,
в кабине на миг наступила странная тишина —

и тут вдруг они все втроём дружно заорали:
– Б*яяяяяааааать!!!

Потом был визг тормозов и громкий удар.
Всё завертелось, словно в калейдоскопе.
Степанов видел ошалелые глаза водителя,
его двигавшиеся губы, но не слышал ни звука.
Ручка двери прогнулась под вялой ладонью,
он вывалился на дорогу, но ноги его отказали,
колени подогнулись, тело рухнуло на землю.

В ожидании взрыва он перекатился в сторону,
закрыв лицо руками, вжался в пыль и замер —
только что три тонны пороха врезались в машину,
где лежали ещё три десятка таких же точно ящиков,
нагревшихся за день на июльской жаре,
удар пришёлся почему-то наискось, в бензобак,
счёт предстоящего взрыва шёл на секунды...

Степанов закричал водителю: – Сдай назад!
Он не видел, кто из них остался в кабине,
но верил, что кто-то там всё-таки есть,
двигатель зарычал, раздался звук рычага,
водитель сумел включить передачу заднего хода,
машина отъехала назад метра на три —
слава Богу, что дорога оказалась пуста.

Ясное дело, сам порох от удара никогда взрывается, но в горящей машине может сдетонировать так, что воронка будет потом метров на двадцать.

Шедшая впереди них машина чудом не загорелась — бак ЗИЛ-130 оказался пуст по причине того, что предприимчивый Санёк слил поутру ещё полведра бензина какому-то приятелю.

По дороге они с тётей Галей крупно повздорили, пока ругались — прохлопали показания датчика, которому давно скрутили голову в известных целях, машина заглохла, водитель "катапультировался", шустрый Ёлкин успел «ласточкой» нырнуть в кювет, а охранница застряла в кабине и чуть не сошла с ума.

Толик при ударе запрыгнул с ногами на сиденье, тётя Маша так вообще потеряла человеческий облик — всё было понятно, кроме одного-единственного — как так Санёк умудрился развернуть машину боком, сам он ссылался на то, что заглохший движок отвлёк его внимание от управления рулём, что ж, оставалось только развести руками: "Судьба!"

Дело происходило уже в девяносто втором, поэтому историю решили от греха замять —

охранницам через месяц объявили благодарность, водителям дали по выговору в приказном порядке, Степанова лишили "тринадцатой зарплаты" — когда он сказал дома, что отхватил за "солому", наивные дети радостно запрыгали:
– Ура! Наш папа возит коровкам сено!

Конечно, пришлось в тот же день вечером налить Ёлкину из сейфа стакан спиртяшки, бывший наладчик рванул поскорее на проходную — выпив махом выданный на протирку линий спирт, за проходной наладчики вяли, как осенние цветочки, поскольку дойти до автобуса сил им уже не хватало, гидролизный спирт первым делом бил по ногам. Шедшие рядом заносили «раненых» в автобусы — да, в этой спяной трудом стране своих не бросали.

Пили тогда все – и внутри завода, и вне его — руководство относилось к пьянкам с пониманием, но попавшихся на проходной увольняли безжалостно. Но натренированный Ёлкин всё-таки успел выйти. Степанов, приняв свои законные сто граммов, смотрел на его «антраша» из окна кабинета и хохотал, забыв про планёрку и телефонные звонки — жизнь в режиме "полного абзаца" продолжалась.

Толкачи

1.

Эта сюрреалистическая история
случилась со Степановым в 92-м,
в те самые чумовые времена,
когда только что развалился СССР,
экономика полетела в никуда,
всё рухнуло и перемешалось,
деньги в стране закончились,
гаджеты и вай-фай ещё не изобрели,
щедро расцвели биржи-брокеры,
а людям при этом надо было как-то жить,
крутиться, работать, кормить семью.

В те смутные весёлые деньки
довелось Степанову всласть порулить
отделом снабжения большого завода,
содержавшего целый отряд «толкачей»,
а частенько и самому бывать в этом амплуа.

«Толкачом» во времена СССР
называли специального человека,
которого посылали в нужное место,

чтобы «выбить» необходимые фонды,
ускорить отгрузку дефицитных материалов,
порешать возникающие вопросы
любым доступным способом,
в общем, протолкнуть проблему.

Сердечники пуль для патронов
рубили на заводе из специальной проволоки,
но отгрузка её из далёкого Череповца
задерживалась из-за нехватки вагонов.
И тогда кто-то предложил в порядке бреда
доставить проволоку самолётом.
«Бред» обсчитали, прикинули —
да, простой обходился заводу куда дороже!

Та самая проволока для пуль. Фото из архива автора

Степанов выпытал у коллеги с авиазавода,
что на днях из Ливии
возвращается борт их авиаотряда,
летавший туда за экипажами,
перегонявшими истребители
нашему «лучшему другу» Муаммару Каддафи.
И если героическим лётчикам прикажут,
то они готовы сесть где угодно
и прихватить с собой что угодно,
хотя Степанов плохо представлял себе,
как можно будет запихнуть

в благообразное брюшко АН-12
пять катушек стальной проволоки
весом в тонну каждая.

2.

В конце двадцатого века
дело делались уже куда быстрее.
чем сказка сказывалась,
поэтому первым же рейсом
Степанов улетел в Москву,
прихватив с собою младшего братца,
недавно демобилизованного из армии,
который сам упросил Степанова
устроить его на такую работу,
чтоб покататься и мир посмотреть,
то есть в заводские экспедиторы,
а проще говоря, в «толкачи».

Младший брат Степанова служил срочную
в радиоразведке под Киевом,
осеней ночью девяносто первого
весёлые хлопцы с автоматами
вывезли личный состав
в какой-то ров за Броварами,
взяли пацанов на прицел

и предложили присягнуть самостийной Украине,
а когда вволю накуражились,
то просто турнули солдатиков в Россию
пешком через близлежащий переход
без единой копейки денег.

Слава Богу, что это были
ещё вегетарианские времена,
до этого брат уважал «ридну мову»,
обожал Наташу Королёву,
он честно служил своей стране,
не разделяя мир на национальности,
а потом в пять минут стал чужим,
постоял ночь под стволами,
неделю ехал через всю страну злым и голодным,
и что-то изменилось в нём тогда,
исчез куда-то милый добрый мальчик,
зажёгся в его глазах упрямый мужицкий огонь,
который так хорошо будет виден потом
в глазах героев Сергея Бодрова.

Главная проблема состояла в том,
что в стране не было авиационного топлива,
рейсы часто задерживались,
аэропорты то и дело закрывались,
сам Степанов чудом вырвался из Тбилиси,

где три недели жил на одних мандаринах,
и самолёту с проволокой
предстояло совершить чудо,
добравшись от Череповца
до самого Комсомольска-на-Амуре.

Это была полная авантюра,
но выхода не было,
спасти ситуацию мог только фарт,
слепая удача русской рулетки,
и Степанов, всерьёз опасаясь того,
что лимит его собственной удачи
в самый нужный момент
может оказаться исчерпанным,
искренне надеялся на то, что
младшему брату, как новичку,
кто-то сверху щедрой рукой
сыпанёт этой удачи сполна.

3.

Остановленный Череповецкий комбинат
был похож на мертвецки пьяного
ржавого железного великана,
упавшего на спину
и заснувшего в странной позе.

Нелепо растопырившись,
задрав в небо трубы-руки,
он лежал посреди холодной грязной осенней степи,
носившей гордое название Русский Север.

Сам город был сер, хмур и неприветлив,
местные называли себя «черепами»,
в этом жутковатом месте просто невозможно
было долго оставаться трезвым,
братья Степановы явно не вписывались
в унылый местный колорит,
хотелось немедленно напиться,
чтобы поскорее мимикрировать,
не отсвечивать на пустынных улицах
позитивными физиономиями.

Поскольку никто толком не работал,
все предприятия давно закрылись,
а завтра был День Конституции,
то имелся вполне весомый повод,
для более комфортного восприятия
окружающей нас действительности
братья немедленно напились в хлам,
долго орали песню про чёрного ворона
в каком-то замызганном древнем кафе,
причём их отвязное поведение

почему-то никого совсем не удивляло.

Потом Степановы долго брели по городу,
младший брат был похож на пьяного Дон Кихота,
а старший напоминал скорее Санчо Пансу.

В нетопленной заводской гостинице
их с нетерпением ждала администратор,
толстая перепуганная дама,
кто-то позвонил ей и попросил передать,
чтобы утром Степановы встречали самолёт,
но какой, откуда – она толком так и не поняла,
и вообще-то аэропорт в их городе
был уже лет пять как закрыт.

Ночью Степанова позвала вниз сонная дежурная,
и пьяный весёлый голос в трубке телефона
по-военному доложил,
что триста пятый борт сел,
экипаж готов к заправке и погрузке,
просьба подвезти завтра с утра
чего-нибудь пожрать и выпить,
желательно побольше.

На вопрос: «А где вы сели, где вас искать?»
лётчик ответил:

«А хрен его знает! Куда-то сели...»
жизнерадостно захохотал и пропал.

Степанов положил трубку и закрыл глаза.
Светлый огонь удачи исправно горел наверху,
как случилось уже не раз и не два,
ему снова повезло,
его удача была с ним.
Он поднялся в номер и спокойно уснул.

4.

Наутро город преобразился.
Кто-то пустил удивительный слух,
что самолёт, прилетевший ночью
в давно закрытый аэропорт,
привёз деньги, много денег,
всем выдадут зарплату за прошлый год,
люди со слезами обнимались на улицах,
с надеждой глядя друг другу в глаза.

А ещё по случаю праздника
в городе объявилось бабье лето,
согревшее всех желающих
последним теплом уходящей осени.

Несмотря на выходной день,
сталепрокатный завод

встретил братьев, как родных,
перед ними распахивались все двери,
мгновенно нашлись крановые и стропальщики,
и к обеду три загруженных до отказа самосвала
вслед за автокраном
торжественно выехали из заводских ворот.

Степановы с удивлением наблюдали,
как местные жители разглядывают купюры,
оказалось, что многие уже забыли,
как вообще выглядят деньги,
поэтому новая зелёная двухсотрублёвка
повергала любого в священный транс,
мгновенно решая любые вопросы.
В такой обстановке был неминуем
интерес вездесущего криминала,
поэтому время шло на часы.

Самолёт отыскался довольно просто,
он гордо стоял посреди
старого полузаброшенного аэродрома
на заросшем кустами лётном поле,
тутошняя авиация теперь летала
исключительно на вертолётах,
которым на бетонке разгона не требовалось,
да и топлива на полёты

всё равно никому давно не давали.

Злобно матерящийся механик объяснил,
что им предстоит немислимое —
расчистить от кустов взлётную полосу,
запихать на борт самолёта
пять блестящих от масла толстых катушек проволоки,
найти керосин для заправки самолёта
и попытаться взлететь с качающихся плит аэродрома,
которые с треском лопались от старости
под колёсами тяжёлых грузовиков.

Глаза боятся, руки делают.
Степановы действовали жёстко и энергично,
пока младший гонял в город за водкой и колбасой,
устроив среди торговцев лёгкую панику
(не так уж и много оказалось в городе колбасы),
начальник аэродрома за бакшиш
отдал летунам заныканный керосин,
местные бичи за ящик вина
резво очистили поле от кустов,
на борту АН оказалась лебёдка,
и всем скопом с матом и криками
они кое-как впихнули груз внутрь самолёта.

Шесть долгих осенних дней
горемычный борт 305 пилил через всю страну,
перелетая от одного аэропорта к другому.

Именные чеки Сбербанка
никто не хотел принимать,
а налички у брата не было.

Где-то летуны уламывали знакомых
одолжить бак керосина,
где-то просто воровали по ночам
топливо с заправщиков.

При взлёте мотки проволоки
угрожающе дрейфовали в хвост,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.